

И.А. Лобакова,

Институт российской литературы РАН, канд. филол. наук,
Пушкинский Дом, Санкт-Петербург

**ПАЛОМНИЧЕСТВО 1857 г.
В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ
В СУДЬБЕ КУПЦА АНИСИМА СИМОЧЕНКОВА**

Тема паломничества в Святую Землю справедливо рассматривается исследователями прежде всего на материале памятников как древней, так и новой русской литературы. Возможен, однако, и другой аспект изучения. Известно, что во второй половине XIX в. странствие по святым местам стало фактом жизни многих православных в России. Для истории культуры небезынтересно, какую роль сыграло паломничество в судьбах этих людей.

Один из возможных вариантов ответа на этот вопрос содержится в рукописи из собрания РНБ¹, в которой автор — жиздринский купец Анисим Симоченков — описывает свое паломничество в Иерусалим. Рукопись 60-х гг. XIX века в матерчатом темно-синем с зелеными и золотистыми крапинками переплете сохранила подклеенный к 1 листу указ-бланк: «По указу его Величества государя Императора Александра Николаевича, самодержца Всероссийского и пр., и пр. объявляется чрез сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего жиздринский мещанин Анисим Симоченков отправляется в Иерусалим для поклонения святым местам, сроком по двадцать девятое мая 1858-го года. Того ради все высочайшие области приглашаются по состоянию чина и достоинства, кому сие предьявится, нашим же воинским и гражданским управителям поставляется в обязанность Симоченкова как ныне из России идущаго, так и потом в Россию возвращающагося не токмо свободно и без задержания везде пропускать, но и всякое благоволение и вспоможение оказывать. Во свидетельство того и для свободного проезда дан сей паспорт от Одесскаго градоначальника с приложением Его Императорскаго Величества печати. В Одессе, августа тридцать перваго дня 1857 года».

В паспорте проставлен № 1142/2148 и указаны приметы: «лета — 34; рост — 2 ар.7 ? в.; волосы — темно-русые; глаза — желтые; лице — чистое; лоб — ; брови — темно-русые; нос, рот — посредств.; подбородок — ;

особыя приметы – ». На обороте указа-бланка читаем: «№ 485 явлен и записан в Российско-Императорском генеральном консульстве для следования обратно в Одессу. Моровая язва не оказывается. Константинополь, 30 мая 1858 г. Генеральный консул Н.Черняев».

Нумерация в рукописи выдержана в традициях деловой письменности своего времени (Л. 1, об. листа – 2 и т.д.). Почерк свидетельствует о слабом знакомстве с навыками каллиграфии; есть отступления от правил грамматики: в рукописи вовсе нет буквы «ять»; почти все союзы и предлоги с существительными и местоимениями написаны слитно («всотоварищи», «ноктомуже», «ипоблагословению», «исним» и т.п.).

Автор повествования родился и жил в г. Жиздра Калужской губернии, в 130 верстах от Калуги. Согласно сведениям, содержащимся в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, в городе было около 11 000 жителей. Жиздра стала называться городом с 1777 г. Там находились знаменитые Мальцевские заводы. Таким образом, автор является представителем многочисленного провинциального мелкого купечества, и в его рассказе проявились не только его личные вкусы, пристрастия, характер, но и нашел отражение уровень образованности, духовных запросов и интересов людей его круга. Знаменательно, что в описании своего паломничества жиздринский купец опирается на традиции памятников в жанре «хождений» (с ними связан ряд мотивов, ситуаций, топографических легенд).

Рассказ о своем путешествии по святым местам Анисим Симоченков открывает библейской цитатой: «*Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к тебе, Боже*» (Пс. 41:2). Изложение жиздринского жителя неторопливо и обстоятельно: «Давно было желанием посетить мне святые места и поклониться Живоносному Гробу Искупителя нашего Иисуса Христа и гробу Пречистой Его Матери нашей Владычицы Деве Марии и протчим святым местом, но к тому были разныя недозволительныя причины. 1-ая – по занятию моею торговой промышленности, а иногда – по возложенной на меня общественной какой-либо должности. Наконец, усмотрел к тому свободное время, решил просить начальство о дозволении следовать за границу <...> Потом присовокупились ко мне в сотоварищи из купеческих детей Федор В. Смирнов и Василей Н. Маркасов» (Л. 1-2).

Подобно древнерусским авторам, Анисим Симоченков ищет параллели к собственным жизненным ситуациям в Священном Писании. Так, рассказывая о своем причастии перед дорогой в Святую Землю, он вспоминает, как 2 августа «на литургии я на средину выходил и по благословению священнослужителя [протоиерея Иоанна Олерова – И.Л.] читал Апостол из Деяний. И во Апостоле некоторыя слова были для меня восхитительными и близки к моему отшествию, так как будто я ожидал тот день. Слова такая: «*Изыди от земли твоя, и от рода твоего, и от дому отца твоего, и прииди в землю, юже аще ти покажу*» [Деян. 7:3]. Вот слова, которыя были говорены Богом Аврааму, и несколько исполнились на мне» (Л. 3).

особья приметы – ». На обороте указа-бланка читаем: «№ 485 явлен и записан в Российско-Императорском генеральном консульстве для следования обратно в Одессу. Моровая язва не оказывается. Константинополь, 30 мая 1858 г. Генеральный консул Н.Черняев».

Нумерация в рукописи выдержана в традициях деловой письменности своего времени (Л. 1, об. листа – 2 и т.д.). Почерк свидетельствует о слабом знакомстве с навыками каллиграфии; есть отступления от правил грамматики: в рукописи вовсе нет буквы «ять»; почти все союзы и предлоги с существительными и местоимениями написаны слитно («всотоварищи», «ноктомуже», «ипоблагословению», «исним» и т.п.).

Автор повествования родился и жил в г. Жиздра Калужской губернии, в 130 верстах от Калуги. Согласно сведениям, содержащимся в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, в городе было около 11 000 жителей. Жиздра стала называться городом с 1777 г. Там находились знаменитые Мальцевские заводы. Таким образом, автор является представителем многочисленного провинциального мелкого купечества, и в его рассказе проявились не только его личные вкусы, пристрастия, характер, но и нашел отражение уровень образованности, духовных запросов и интересов людей его круга. Знаменательно, что в описании своего паломничества жиздринский купец опирается на традиции памятников в жанре «хождений» (с ними связан ряд мотивов, ситуаций, топографических легенд).

Рассказ о своем путешествии по святым местам Анисим Симоченков открывает библейской цитатой: *«Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к тебе, Боже»* (Пс. 41:2). Изложение жиздринского жителя неторопливо и обстоятельно: «Давно было желанием посетить мне святые места и поклониться Живоносному Гробу Искупителя нашего Иисуса Христа и гробу Пречистой Его Матери нашей Владычицы Деве Марии и протчим святым местом, но к тому были разныя недозволительныя причины. 1-ая – по занятию моей торговой промышленности, а иногда – по возложенной на меня общественной какой-либо должности. Наконец, усмотрел к тому свободное время, решил просить начальство о дозволении следовать за границу <...> Потом присовокупились ко мне в сотоварищи из купеческих детей Федор В. Смирнов и Василей Н. Маркасов» (Л. 1-2).

Подобно древнерусским авторам, Анисим Симоченков ищет параллели к собственным жизненным ситуациям в Священном Писании. Так, рассказывая о своем причастии перед дорогой в Святую Землю, он вспоминает, как 2 августа «на литургии я на средину выходил и по благословению священнослужителя [протоиерея Иоанна Олерова – И.Л.] читал Апостол из Деяний. И во Апостоле некоторыя слова были для меня восхитительными и близки к моему отшествию, так как будто я ожидал тот день. Слова такия: *«Изыди от земли твоя, и от рода твоего, и от дому отца твоего, и прииди в землю, юже аще ти покажу»* [Деян. 7:3]. Вот слова, которыя были говорены Богом Аврааму, и несколько исполнились на мне» (Л. 3).

Симоченков в повествовании об обстоятельствах своего паломничества обнаруживает сочетание канцелярско-делового и эмоционального стилей, что часто отмечается как характерная особенность в произведениях посадских авторов XVII в. Купец пытался найти точные слова для описания самых разных переживаний. В начале путешествия паломники на Преображение въезжают в Стародуб: «Етот день я был во утешении, свободным от суеты мирской: прежднии 12-ть лет я каждый год бывал на ярмонки для покупки товаров, и много-много я грешил в таковой праздник, а ныне благодарю Господа Бога моего – по случаю путешествия избег той сети, хотя не в храме, а в дороге воспевал стихиру праздничную» (Л. 7). Прибыв в Киев, Анисим, предвкушая собственные странствия, в Богоявленском монастыре «ходил около храма и любовался насажденными деревьями <...> и в конце соборнаго алтаря заметил в стене надпись, и против – камень, который покрывает знаменитаго путешественника Василья Барскаго, который странствовал в 3-х частях света 24 года. И во время своего путешествия много он претерпел нужд и скорбей († 7.10.1747). И я поклонился его праху» (Л. 8).

Покидая Одессу, автор пишет: «И быстро начал удаляться вместе с нами наш пароход, и будто бы Одесса убежала от нас <...> Я с большой жадностью смотрел на удаляющиеся от нас храмы, и Одессу, и на родимый край благословенной России, которая быстро от нас удалялись. Я не переставал смотреть и мысленно говорил и прощался: "Прости, мать Россия! Прости, Богом благословенная! Прости, Отечество. А может быть я с тобою прощаюсь в последний раз"» (Л. 12). Волнение на Черном море произвело на автора сильное впечатление: «свирепеющие волны в ночидалече были видны, катящиеся по морю серебристым валом. Они достигали нас, и частию не раз вскакивали к нам на пароход чистым пенистым брызгом <...> день весь проводил в беспокойствии, несколько устал и близ борта я садился. И предался размысленным думам, и блуждал онами по разным предметам. А более всего – о достижении Святой Земли» (Л. 12-13). О своей ночной молитве в Гефсиманском саду купец вспоминает: «Я смотрел на священный Елеон <...>, направо в тишине предстоял поток, за ним в молчании стоял град Иерусалим, луна уже скатилась за город» (Л. 149).

Паломничество Анисима Симоченкова было долгим: он посетил Стамбул, который последовательно именуется «Царьградом», греческие острова Лемнос, Родос, где «была статуя колосс Солнцев, как утверждает Плиний» (Л. 30), Яффу, Бейрут, Дамаск, Иерусалим, Вифлеем, Назарет, Раифу, Синай. Записи его подробны и обстоятельны.

Большая часть их посвящена самим местам посещения. Получив специальный фирман в Арсенальном зале дворца султана на посещение Святой Софии, Анисим Симоченков с купцом Христофором Николаевым смогли попасть туда: «Я перекрестился, взглянул и удивился: «Боже мой! Какая рука созидала таковой величественный храм. Ничто иное как Премудрость Божия!» Стены из мрамора и усыпаны драгой мозаикой, ве-

личественный кунпол внутри горит золотом, стороны – правая и левая – двухэтажная! Поддерживаются огромными мраморными столбами <...> Жалко и сострадательно было смотреть на величественный и опустошенный храм, в котором послы Владимира, внимая Божественной литургии, слушали ангелов, поющих тресвятую песнь!» (Л. 24-25).

В Иерусалиме патриаршем храме он восклицает: «на кафедре, которая доныне существует от времен великого светильника Иоанна Златоустаго, с которой златоглаголивами устами гремело слово Божие, и звук тех учений услышали по всей Вселенной. Но и ныне я, грешный, с той кафедры удостоился слышать от патриарха "Отче наш"» (Л. 21).

Очень подробно описание Преображенской церкви Синайского монастыря и его икон: «устроенная из дикаго тесанаго большого камня, верх ее не кунполом. Покрыта оловом. В храм нужно спускаться вниз 8-ю ступенями, а от северной страны – ход прямо <...> взойдешь в храм большими дверями – как будто взошел в рай. Мост в храме мраморный разного цвета, украшен разнovidными узорами удивительными. Ширина разделяется на три части; два ряда столбов по правую сторону 7 штук, по левую – 7 штук мраморных. На них 12-ть поставлены иконы со святыми каждого месяца, а в столбах внутри – означено крестами – заклады части в сего месяца св. мощи. Около столбов устроены формы – места для стояния иноков. Высота столбов в три сажени, которая подыдерживают верх храма. Иконостас вызлащенный, удивительной работы иконы! Нижний ярус – удивительного писания иконы большая в рост человека. Спаситель, сидящий на престоле в одеянии архиерейском, окрест его 4 евангелиста. От северной стороне – Богоматерь, сидящая на престоле как царица. Около ее 4 пророка. Рядом с иконой Христовой – образ великомученицы Екатерины в одеянии царском, в руке держит страдалческое свое колесо <...> Царския врата niskие, в рост человека <...> Пред иконами поставлены большия медныя подсвещники на медных влах. Потолок раскрашен зеленою краскою и золотыми звездами, солнце, месяц <...> Алтарь – верх полукунполом, в полукунполе изображено мозаикою Преображение Господне, кругом – 12 апостолов и много пророков. Работы удивительной! Стены обложены беловидным мрамором, блещет как зеркало» (Л. 106-108).

О прощании со святынями Синайского монастыря, столь любовно описанного Анисимом Симоченковым, читаем: «Пошел в церковь Неопалимая купины, прикладовался и благодарил Господа Бога и Царицу небесную в последний раз. Я не мог удовлетворить себя зрением той святыни, ибо на сердце моем лежала скука о разлучении великой святыни. А духом утешался, что Господь удостоил меня, грешнаго, видеть и поклониться святым местам» (Л. 104).

Достаточно кратко говорится о службах, на которых присутствовал Анисим. Он либо сообщает о том, что и они подпевали хору, либо отмечает отличия от русской православной традиции: «греки православной веры в храме тогда стояли в красных шапках» (Л. 17); или «греки пели многожды "Кириелейсон", т. е. "Господи помилуй" <...> певчие из

греков пели на клиросе на два человека гугнивыми голосами» (Л. 18).

Традиционно подробны описания дорог, ведущих к святыням. Так, например, повествуется о приближении к Иерусалиму: «Ступали с камня на камень и уже с минуты на минуту ожидали видеть св. град. Я совершенно почти не отводил глаз с предмя, где увидеть Иерусалим. Благоговение возрастало с каждой минутой. Вдруг вдали узрели мои очи св. град Иерусалим! Я сошел со осляти, поклонился и благодарил Бога, что удостоился хотя наружными очами видеть св. град Иерусалим. Сердце и чувство невыразимо тогда радовалось. Мы спешили приближаться <...> Подъезжая, смотрели на град, как на драгоценное сокровище: чего долго желали наши сердца, то увидели наши очи» (Л. 45-46).

Интересны портретные зарисовки людей, с которыми встречался Симоченков. «По виду лица Патриарх Иерусалимский [Кирилл II. – *И.Л.*] лет около 80, росту среднего, бороду имеет длинну, окладистую; волосы белыя. Когда мы были прощаемы, тогда он сидел на диване по-восточному, в черной шелковой рясе. На главе камилавка. На востоке патриархи не отличаются камилавками даже от иеромонахов» (Л. 21). Запомнился Анисиму Иоасаф, игумен монастыря Саввы Освященного: «Началник в монастыре архимандрит Иоасаф, удивительной человек. На монастырской работе он всегда бывает первым и последним. Братия на работе не всегда с ним бывают, но выговору никогда не делает. Келья его – хуже всех из братии – одна малая каютачка, одежда тоже хуже протчих, вещей не имеет никаких» (Л. 131-132).

Трапезы, на которых присутствовал жиздринский паломник, описаны им, в соответствии с традициями хождений XVII в., достаточно подробно: слишком сильно набор подаваемых в местах паломничества блюд отличался от привычного. На Патриаршем дворе «подавали сначала сыр, после – рисовый суп, после кашу и подносили за каждым по чашке вина лознаго» (Л. 48). В Иерусалиме «подавали ретьку, маленькую, сочную и сладкую, кашу, да горсть инжиру» (Л. 63). Близ церкви Иоанна Дамаскина «на северной стороне устроен притвор, вроде церкви, расписан искусною живописью и иконами. Здесь игумен с братиею содятся по местам, и нас пригласили <...> Дали по рюмке ракии, по маленькому пшеничному хлебцу, по пирожку, по горсти инжира, по чашке кофе, по части халвы² – т. е. из ядер орехов с медом» (Л. 126). О прощальной трапезе в Синайском монастыре читаем: «На трапезе было утешение великое: было поставлена на столе в блюде каша из сорочинского пшена, седди, рыба жареная, салат, бобы, пшеничные оладьи с медом, вино красное лучшее, рака, мед, свежий виноград» (Л. 104-105).

В «хождении» Анисима Симоченкова вспоминаются топонимические легенды, чудеса, произошедшие когда-то в тех местах, которые он посетил, что достаточно традиционно для памятников этого жанра. Особое место в рассказе жиздринского паломника занимает повествование о чудесах, свидетелем которых становился он сам. Так, в Синайском монастыре, куда прибыли 32 человека, «хлеба было мало, ретко бывает такое число посетителей. Игумен несколько скорбел, чем прокормить народ:

посылать в Египет, то получить хлеб можно не ближе 25 дней. На другой день, как мы прибыли, к монастырю подошли 5 верблюдов, навьюченные пшеницею. Игумен рад был, думал, что прислана из Египта. Арабы объяснили и просили прощения: назад 5 лет из Египта была послана пшеница в монастырь на 5-ти верблюдах. В той стороне тогда был голод, то арабы вздумали воспользоваться тем хлебом, так и зделали. Етот год был хороший урожай пшеницы. Оне, арабы, вздумали возвратить в монастырь пшеницу, которую и доставили. Игумен справился по книгам, что и действительно было тогда <...> Удивлялись такому чуду также и мы» (Л. 92).

В Синайском монастыре случается и другое чудо: «дворянская девица» Анна Тимофеева делала из воска цветы на раку св. Екатерины в «маленькой келейке», топила воск «на самоварах» и угорела. Ее чудом спасли, когда дверь кельи «сама отворилась», она доделала свою работу и приняла схиму (Л. 93-94).

Рассказывая о посещении монастыря Саввы Освященного, Анисим горько сетует, что не сподобился видеть чуда: «Есть в монастыре замечательный финик, а по-восточному – пальма, еще посаженный преподобным Саввою. С тех времен <...> и донныне ежегодно приносит плод. На нем роятся финики чудодейственные: оне без костей. Оне неплодствующим молитвою преподобнаго Саввы, покушавши с верою после 40-дневного поста, зачинают плод и ражают чад. Нынешний год, ко удивлению, родились финики с костями» (Л. 129).

Принадлежность автора к купечеству проявляется в том внимании, с которым он фиксирует все денежные затраты своего путешествия. «В полиции полицмейстеру подали прошение и свидетельство, и взяли с нас по рублю сер[ебром] <...> Из губернаторской канцелярии получили паспорта с печатью <...> взяли с нас каждого по рублю серебром» (Л. 9). «Я получил билеты для себя и своих товарищей. Заплотил за каждого человека по пяти рублей серебра – быть на палубе. Каждый пассажир имеет право иметь при себе клади до трех пуд безденежно, а естли будет более – то должен отдать денги по назначенной цене. 3-го класса в каюте – 7 руб; 2-го класса – 18 ру[б.]; 1-го класса – 28 руб. сер[ебром] с человека. Желаящий ползоватися столом о сем должен объявить при получении билета» (Л. 10). В Царьграде у вице-консула Николая Степановича Марабутти каждый оставил «не менее 3-х российских полуимпериалов и более, что записывается. Это делалось, если поломник все проживет в Иерусалиме, то его можно будет отправить в Россию на эти оставленные деньги!» (Л. 38-39). По дороге в Иерусалим с каждого, как отмечается в тексте, брали «за пуд провозу по рашету 75 коп.» (Л. 40). При описании Бейрута автор подчеркивает: «Множество фруктовых садов, дешевый белый хлеб, сыр, галеты, склады удобны – одним словом, увеселительное место!» (Л. 36). О встрече с турецкими таможенниками Симоченковым поведано эмоционально и ярко: «нас с вещами перевезли на берег, тогда же к нам приступили тур-

ки – таможенъныя осмотрщики, которыя хотели нас осмотреть. Но в нас тех вещей не было, за которыя взять с нас пошлину. Выпротчем, переводчик советовал тем жадным негодяем дать бакчишь. На ето я был согласен, <...> я выдал им за 4-х человек 12 пиастров (наших 50 копеек серебром). Они были тому рады и ни к чему не прикасались» (Л. 16). Описывая торжище близ монастыря св. Илии в Вифлееме, автор отмечает предприимчивость живущих «в сих местах арабов. Арабы и арабки сидели и продавали перламудывая (!) кресты, и образа, и четки хорошей работы» (Л. 119-120).

Подробнее всего описываются последние недели Великого поста: поездка в Назарет, Севастию (место заключения и казни Иоанна Крестителя), на гору Фаворскую, погружение в Иордан, посещение Лазаревой пещеры в Вифании. И кульминация – праздник Пасхи – 23 марта 1858 г. – в храме Воскресения Господня. Завершается текст записью от 1-го апреля: «Приближалось время прощаться со святым градом Иерусалимом. В последний раз пошел поклониться Святыни – Гробу Господню и протчим местом. Благодарил Господа за его неизреченную ко мне милость, что удостоил меня, многогрешнаго, посетить досточюдныя места и поклониться им. Но грустно было отходить от святых мест. Но надежда на Господа: сколько буду живым, должно быть все ето в воспоминаниях» (Л. 171-172).

К «хождению» Анисима Симоченкова присоединена выписка из путеводителя «св. Афонской Горы» (Л. 172-185). Далее – профессиональным писарским почерком скопировано начало паломничества Симоченкова (от Жиздры до Иерусалима). С 226 л. читаются послания Анисиму Симоченкову разных адресатов: иеродиакона (позже – иеромонаха) Белобережной пустыни Виталия (3 письма); письмо Андрона Бичева с просьбою освободить от рекрутского набора его зятя Анисима Латынова; от схимомонахов Михаила и Герасима об их жизни на Афоне; от настоятеля Карачаевского Николаевского Одрина монастыря строителя Израиля (1860 г.) о согласии помочь советом в выборе духовника-старца. А далее – три письма (одно из них датировано 1868 г.) к «отцу-казначею Мценского монастыря Авраамию», в которых содержатся настоятельные увещевания выполнять его обязанности казначея, а не уходить в пустынь.

Как они оказались среди писем, адресованных Симоченкову? В машинописном описании собрания Тиханова РНБ высказано предположение, что Авраамий – иноческое имя Анисима Симоченкова. Соглашаясь с данной гипотезой, можем добавить для ее подтверждения следующее. Уже в письме Виталия мы читаем: «Радуюсь, что Вы и по сие время в своей наклонности к безбрачной жизни непременны <...> но прости меня, мой брат, я буду удивляться как странному делу есть ли не увижу когда-либо Вас в сопричислении к монашествующим» (Л. 232-233). В письмах казначею монастыря Авраамию иеромонахов Саввы и Амвросия противопоставляются «братской необходимости в его трудах» стремление адресата «уйти от суеты и соблазнов». Данное сло-

восочетание довольно часто встречаем в той части рукописи, которая содержит рассказ о паломничестве Анисима Симоченкова. Потому наиболее вероятным представляется вывод, что жиздринский купец в начале 1860-х гг. принял монашество, а к 1865 г. стал тем самым незамеченным отцом-казначеем Авраамием Мценского Петропавловского монастыря.

Таким образом, «хождение» в Святую Землю Анисима Симоченкова завершилось принятием им монашества. Его желание сохранить в памяти паломничество в Иерусалим и связать с ним свою настоящую жизнь объясняет сложный состав сборника: «Когда кончится для нас удовольствие, прекратится радость, престанет наслаждение, исчезнет счастье, — мы можем несколько возвращать эту драгоценную потерю чрез воспоминание о былом» (Л. 228).

Примечания:

1. Собрание Тиханова, № 827. Л. 1-172. Текст паломничества цитируется по данной рукописи; грамматические исправления касаются лишь разделения слов (написание существительных и прилагательных с предлогами и союзами дано в соответствии с правилами правописания) и знаков препинания; опускается «ъ» в конце слов.
2. В ркп. — «алвы».